

— Дядя Чжао, дядя Чжао! — он громко крикнул несколько раз, и двое отец и сын, сидевшие в зале, внезапно заметили, как из-за ширмы сзади выскочил жилистый маленький старичок.

— Молодой господин, вы вернулись! — Лицо старика сморщилось в улыбке, подобно распутившемуся хризантеме.

Это был управляющий Чжао. Не смотри на то, что управляющий Чжао стар годами, в ведении счетов и присмотре за домом он был страшен, в некоторых аспектах мог даже сравниться с евнухом Су.

— Старец приветствует ваше величество, наследного принца, императора... — Приветствие управляющего Чжао ещё не было закончено, когда император Шэндэ его остановил. Они вышли в частном порядке, а не для того, чтобы принимать поклоны.

— Дядя Чжао, что дома происходит? Почему так тихо? Где мама? Разве она не должна сейчас отчитывать людей? — Чжао Хуайцзинь нетерпеливо спросил.

Управляющий Чжао снова расцвёл, как цветок:

— Молодой господин, большая радость! Вы станете старшим братом! — Управляющий Чжао с улыбкой сообщил Чжао Хуайцзиню эту радостную весть, бормоча что-то себе под нос. — В этом году действительно урожайный год. Госпожа уже беременна двумя месяцами, всего полмесяца назад диагностировали. Господин очень рад, даже планирует отправиться в храм Сяngo помолиться. Молодой господин, молодой господин?

Управляющий Чжао ловко распорядился, чтобы слуги подали чай и пирожные двум дорогим гостям, заодно пытаясь вернуть душу Чжао Хуайцзиня, которая убежала куда-то.

Се Муцин почувствовал интуитивно, что с Чжао Хуайцзинем что-то не так. Он спрыгнул со стула, потянул Чжао Хуайцзиня за собой и, делая невинный вид, сказал:

— Аюй, в прошлый раз, когда я приходил, ты болел, и я толком не осмотрел твой дворик. Раз уж мы сегодня здесь, покажи мне хорошо свой кабинет!

— Ох, хорошо, — Чжао Хуайцзинь улыбнулся ему и вышел за дверь вслед за ним, оставив императора Шэндэ сидеть в зале и наслаждаться первоклассным чаем «Маоцзянь».

Когда они отошли далеко, Се Муцин, осмотревшись по сторонам и убедившись, что никого нет, серьёзно спросил:

— Аюй, ты расстроен из-за того, что у тебя появится младший брат?

Задав вопрос, он совершенно не обратил внимания на то, что Чжао Хуайцзинь ему не ответил, и сам продолжил:

— Я раньше был таким же. Каждый раз, когда узнавал, что у какой-нибудь наложницы во дворце есть беременность, я долго расстраивался. Потому что боялся, что папу заберут они. Когда второй родной брат только родился, я очень его не любил, даже перед папой хулиганил, чтобы он отправил второго брата из дворца, лишь бы я его не видел. Из-за того дела меня впервые наказали — папа заставил стоять на коленях в чертоге Цихуэй. Тогда я очень разозлился на папу, всячески злил его, прятался от него, не хотел видеть и не хотел звать папой. Потом меня уговорила мама, она сказала, что детки, которых рожают наложницы, все мои младшие братья и сёстры, все они дети папы, он не станет из-за появления брата или

сестры меня не любить, не захочет меня. Хотя я всё ещё был зол, но я отбросил предубеждение. Но в императорской семье так, наложницы всегда будут рожать детей, постепенно я привык.

Он остановился, перевёл дух и неуклюже стал утешать:

— Аюй, тебе тоже не стоит переживать, что канцлер Чжао и госпожа Чжао из-за появления малыша перестанут тебя любить. Ты всё равно их хороший сын, ты также можешь защищать своего младшего брата или сестру, не как я...

Сказав это, Се Муцин вдруг почувствовал немного одиночества.

Чжао Хуайцзинь, молча слушавший его всё это время, открыл рот:

— На самом деле, это я предложил папе ещё одного ребёнка. Перед тем как войти во дворец, я именно так и сказал. Но когда этот день действительно наступил, я всё ещё немного не привык. Но всё равно спасибо тебе за такое утешение.

Закончив говорить, он улыбнулся Се Муцину ослепительной улыбкой.

Се Муцин тоже улыбнулся. Он поклялся, что это самая красивая улыбка, которую он когда-либо видел. С тех пор как Чжао Хуайцзинь вошёл во дворец, он ни разу не выказал действительно счастливой улыбки, но сегодня, из-за его утешения, Чжао Хуайцзинь улыбнулся ему от всего сердца. Можно ли считать, что Чжао Хуайцзинь уже раскрыл сердце и искренне принял его?

Се Муцин подавил волнение в сердце и, внешне спокойно, потянул Чжао Хуайцзиня за руку обратно в главный зал, но его трясущаяся рука выдала его настроение.

«Дурак», — Чжао Хуайцзинь, шедший сзади, почувствовал его дрожь и тихо ругнул его в сердце. Он по своей инициативе пожал его руку, чувствуя его слегка влажную от напряжения ладонь, и улыбнулся ещё более нежно.

Он подумал, что если стратегия «самоповреждения» настолько эффективна, то в следующий раз можно применить её несколько раз, это ничего.

Се Муцину откуда было знать про маленькие хитрости Чжао Хуайцзиня. Честно говоря, за эти две жизни вместе взятые он не использовал столько хитростей, сколько Чжао Хуайцзинь, иначе как бы он был так «съеден» им? Се Муцин попросил Чжао Хуайцзиня проводить его в западный сад, где жила госпожа Чжао, под благовидным предлогом, что как хороший брат он должен пойти посмотреть своего ещё не родившегося младшего братика, к тому же он как наследный принц, проявлять заботу о семейной жизни подчинённых тоже можно. Так что Чжао Хуайцзинь с каменным лицом продолжил быть проводником.

Се Муцин тайно вздохнул, грустно поднял свой мясистый подбородок и посмотрел на небо.

«Аюй всё ещё ребёнок, всё ещё боится потерять любовь родителей! Когда вернусь во дворец, обязательно нужно хорошо уговорить его. Как старший брат, конечно, надо наладить отношения с младшим братом, да, именно так».

Се Муцин чем больше думал, тем больше чувствовал, насколько важно проводить с Чжао Хуайцзинем идеологическую работу. Откуда же ему было знать, что этот вид Чжао Хуайцзинь специально показал ему, чтобы он его хорошо утешил.

Вскоре эти двое прибыли в западный сад. Западный сад не был таким тихим, как передний зал, голосов там было наоборот особенно много, особенно женских. Двое стояли у двери, глядя друг на друга. Этот резкий женский голос точно не был голосом госпожи Чжао, оба они это очень хорошо знали. А чей же это тогда? В глазах Се Муцина было сомнение, Чжао Хуайцзинь ещё послушал немного, вдруг с посиневшим лицом рванулся внутрь. Се Муцин глупо замер, не зная, что произошло, и просто пошёл следом внутрь. Войдя в комнату, он обнаружил, насколько ситуация ужасна.

— Чжао Линши, старая мать тебе говорит: если ты сегодня не выйдешь, в твоей резиденции канцлера не будет хороших дней! За твои эти гнилые дела старая мать разгласит так, что все узнают, посмотрим, сможет ли ваша семья Чжао ещё смешаться в этой столице...! — Одета довольно просто женщина стояла у двери госпожи Чжао, задрала рукава, и ругалась в дверь, на спине ещё был мешок хорошего качества, который ей явно не принадлежал.

— Тётя, если есть слова, говорите хорошо. Мама беременна, прошу тётю быть осторожной в речах, — Чжао Хуайцзинь сказал той женщине.

— О, это же большой племянник? Что, тётя не может воспитать твою мать? В конце концов, я твоя старшая, а с такими словами говорить со старшими — где твоё воспитание! Как Чжао Си тебя учил! Слышал, ты ещё во дворец пошёл, стал этим чёртовым товарищем наследного принца, хм! Действительно, как твой папа, нашёл богатого покровителя и не желает с нами, бедными родственниками, общаться!

Если говорить о скандале и хулиганстве, Чжао Хуайцзинь никак не мог сравниться с этой деревенской скандалисткой. Чжао Ванши была тем человеком, которого в деревне все боялись. Её рот был действительно таким, что люди не знали, что сказать. Более того, её следующие слова уже серьёзно повлияли на репутацию императорского дома.

— Твой отец — педераст! В своё время он нашёл богатого покровителя и сразу взлетел. Кто не знает, что он с императором не простые отношения, я не верю, что они побратимы. Зачем императору, здоровому, было брататься с каким-то учёным, твой отец точно...

— Замолчи! — Се Муцин в гневе посмотрел на эту женщину с хитрым лицом. Кто знал, что эта женщина окажется тётей Аюя. Если бы это был кто-то другой, он бы обязательно разорвал этот кусок, который так нагло говорит, на тысячу кусков! — Ты знаешь, какое преступление — клеветать на чиновника первого ранга императора?

Чжао Ванши с презрением посмотрела на Се Муцина. В её глазах Се Муцин был просто каким-то сыном чиновника, который дружит с Чжао Хуайцзинем. Маленький ребёнок, что тут строить из себя, всё равно хочет воспользоваться случаем, чтобы угодить дому Чжао Си!

— Малыш, ты от груди отлучился? Старая мать не знает, какой там чиновник первого ранга. Старая мать сегодня пришла просить справедливости. Что делал твой папа, он сам знает в сердце. Клевета — прошу простить, я простая женщина, ничего не понимаю!

— Ты! Людей! Отведите эту женщину в передний зал! — Се Муцин покраснел от злости, прорычал в темноту, а потом, прищутив глаза, сказал вдруг схваченной и в ужасе Чжао Ванши:

— Ты же хочешь справедливости? Сегодня я дам тебе этот шанс попросить справедливости!